

УДК 316.334.56

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-175-185

СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ МОНОТЕРРИТОРИЙ ХАКАСИИ

Лушникова Ольга Леонидовна

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (Абакан)

Социально-экономическое развитие любой монотерритории главным образом зависит от жизни градообразующего предприятия, и именно это делает моногород уязвимым, особенно в кризисное время. В такие периоды в моногородах ухудшается социальное самочувствие населения, усиливаются протестные настроения, повышается социальная напряженность, что может привести к открытым формам конфликта. Основная проблема заключается в своевременном выявлении таких потенциально опасных очагов социального взрыва. По этой причине важно отслеживать изменения социальных настроений жителей этих территорий с целью определения и регулирования факторов социальной напряженности. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что социальные настроения жителей монотерриторий зависят от сложившейся социально-экономической ситуации: в моногородах со стабильным положением настроения более оптимистичные, в моногородах с наиболее сложной ситуацией — пессимистичные. Для оценки настроений в моногородах Хакасии был проведен опрос среди жителей этих территорий ($n = 1000$). Результаты подтвердили основную гипотезу исследования: действительно, в моногородах с наиболее сложным экономическим положением социальные настроения более упадочные. Об этом свидетельствуют негативные оценки своей жизни, низкая удовлетворенность, отсутствие перспектив улучшения, а также иждивенческая психология, которая выражается в ожидании помощи со стороны государства. В моногородах, пока только находящихся в зоне риска, несмотря на более напряженную ситуацию на рынке труда, социальные настроения оптимистичнее, что, возможно, связано с более привлекательными условиями жизни. Однако, согласно полученным результатам, более существенное влияние на социальное настроение оказывают не столько количественные показатели уровня жизни, сколько субъективные оценки своей жизни, что свидетельствует о важности не-экономических механизмов регулирования факторов социальной напряженности, которые могли бы быть более эффективными, особенно в кризисное время.

Ключевые слова: моногород, монотерритория, социальное настроение, градообразующее предприятие, Хакасия.

SOCIAL MOOD IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS OF KHAKASSIA

Olga L. Lushnikova

Khakass Research Institute for Language, Literature and History (Abakan)

The socio-economic development of any single-industry territory mainly depends on the prosperity of the city-forming enterprise, and this makes the city vulnerable, especially in crisis times. During such periods, social well-being of the population worsens, protest moods increase, social tension accrues, which can lead to open conflicts. The main problem lies in the timely detection of potentially dangerous hotbeds of social explosion. Therefore, it is important to monitor changes in the social moods for regulating the factors of social tension. As a hypothesis, it was suggested that the social moods of residents of single-industry territories depend on the current socio-economic situation: the mood is more optimistic in single-industry territories with a stable situation and is pessimistic in single-industry territories with a difficult situation. There was conducted a survey among the residents of single-industry territories of Khakassia

(n=1,000). The results confirmed the main hypothesis of the study. Social moods are more depressive in single-industry territories with the most difficult economic situation. This is evidenced by negative assessments given by the residents with regard to their life, low satisfaction, the lack of prospects for the situation to improve, and dependent psychology — the expectation of help from the state. Despite the tense situation on the labor market, social mood is more optimistic in single-industry territories only being at risk, which may be due to more attractive living conditions. However, the results show that subjective assessments have a more significant impact on social moods than quantitative indicators of living standards. It proves the importance of non-economic mechanisms for regulating the factors of social tension, which can be more effective, especially in times of crisis.

Keywords: single-industry town, single-industry territory, social mood, city-forming enterprise, Khakassia.

Постановка проблемы

По мнению исследователей, «моногорода — *суставы экономики*» [Гусев В.В., 2015, с. 8], они играют значимую роль в экономическом развитии страны. Но при этом сами территории находятся в депрессивном состоянии, что связано с безработицей, узкоспециализированным рынком труда, изношенностью социальной инфраструктуры, бедностью населения, плохой экологией и другими факторами. В кризисные периоды ухудшается социальное самочувствие населения, усиливаются протестные настроения, повышается напряженность, что может привести к открытым формам конфликта. Основная **проблема** заключается в своевременном выявлении таких потенциально опасных очагов социального взрыва. Как считают исследователи, это может проявляться в открытых акциях протеста, недовольстве существующей местной и федеральной властью, в падении доверия населения к социальным и политическим институтам страны [Маслова А.Н., 2011, с. 18]. Поэтому важно вовремя отслеживать изменения настроений жителей моногородов с целью регулирования факторов социальной напряженности. Нам представляется, что социальные настроения жителей монотерриторий зависят от сложившейся социально-экономической ситуации: в моногородах со стабильным положением настроения более оптимистичные, в моногородах с наиболее сложной ситуацией — пессимистичные. Это основная рабочая *гипотеза* исследования.

Теоретические основы исследования

Моногород представляет собой особый тип социальной организации, который характеризуется единством города и градообразующего предприятия, а также моноцентричным характером экономики, связанным с выполнением определен-

ной общественно значимой функции в макросистеме [Кашкина Л.В., 2017, с. 133]. Причем доказано, что развитие моногорода зависит от его отраслевой направленности: например, города, специализирующиеся на производстве электроэнергии, демонстрируют более высокий уровень экономического развития, чем «угольные» территории [Treller T., Kokot V., 2014, p. 18]. Особенностью моногородов является зависимость демографических показателей (например, рождаемости) от экономических факторов (например, от общего количества предприятий) [Боев В.М., 2010, с. 1960]. Иными словами, социальное развитие моногородов находится в сильной зависимости от жизни градообразующего предприятия. Именно этот фактор делает моногород социально «уязвимым», особенно в кризисные периоды. С переходом к рыночной экономике одни предприятия (и их немало) перешли в «частные руки» и постепенно избавились от социальных обязательств, передав объекты социальной сферы в муниципальное управление [Лиман И.А., Крамаренко М.В., 2014, с. 46]. Другие вследствие утраты значимых источников дохода начали сокращать социальные издержки [Мурзин А.Д., 2017, с. 15], что постепенно привело к изношенности инфраструктуры.

В зарубежной литературе существует распространенное представление о моногородах как удаленных территориях с ограниченными социальными и экономическими возможностями, которые являются уязвимыми к экономическому кризису из-за реструктуризации либо из-за истощения ресурсов [Hayter R., 2003, p. 290]. Используется специальный термин «*company town*», причем в негативном контексте [Stamm M., 2013, p. 264]. Исследователи подчеркивают, что такие города символизируют силу промышленного капитализма в эксплуатации

природных ресурсов и преобразовании общества как в его огромных амбициях, так и в его поразительной никчемности [Dinius O.J., Vergara A., 2011, p. 20].

В России монотерритории обеспечивают до 40 % ВВП страны, но по большей части они представляют собой *малоэффективную*, индустриальную экономику [Маслова А.Н., 2011, с. 23]. По данным исследований, уровень *реальной безработицы* в отдельных моногородах доходит до 30 %, в то время как средний уровень безработицы в России не превышает 7,0–7,5 % [Федотова Н.Е., 2009, с. 14]. Инфраструктура моногородов сильно изношена, остро стоит проблема комфортности проживания [Першина Т.А., Гоголева М.П., 2016, с. 51], на низком уровне находится благоустройство городов, характеризующееся однообразием, унылостью архитектурного облика и неразвитостью городской культуры [Булгакова С.Н., 2014, с. 350] и т.д. Ну и, конечно, самая острая проблема, блокирующая все экономические преобразования, — *бедность* населения во всех формах своего проявления [Крутик А.Б., 2010, с. 62].

Разрабатывается много программ развития моногородов, однако, по мнению исследователей, национальные проекты и федеральные целевые программы не решают наиболее острых проблем, а *консервируют их* [Андреев С.Ю., 2007, с. 54]. Исследователи предупреждают, что отток населения из моногородов (особенно приграничных) будет способствовать «оголению» российской территории [Гусев В.В., 2015, с. 8]. Ведь, по мнению исследователей, в отличие от жителей мегаполисов, имеющих возможности проектирования долгосрочных жизненных стратегий, представители малых монопрофильных поселений ориентированы на *защитные стратегии выживания* [Ермолаев Т.С., 2018, с. 21]. Задача данного исследования — оценить социальные настроения жителей моногородов с различным социально-экономическим положением (на примере монотерриторий Хакасии).

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического опроса 2021 г. населения моногородов Хакасии. Выборка квотная: по полу и возрасту (n = 1000). Метод опроса — формализованное интервью по месту жи-

тельства респондента (население в возрасте от 18 лет и старше). География опроса: города Абаза, Саяногорск, Сорск, Черногорск, поселок Вершина Теи, село Туим. Удельный вес опрошенных по отдельным монотерриториям составил: в Абазе — 10 %, в Саяногорске — 30 %, в Сорске — 10 %, в Черногорске — 45 %, в Вершине Теи — 3 %, в Туиме — 2 %. В исследовании использовался анализ корреляций по Пирсону, а также методы кластерного и регрессионного анализа. Обработка данных и вычисления осуществлялись с помощью прикладного пакета для обработки статистических данных IBM SPSS Statistics 19.

Экономические проблемы моногородов

В Хакасии шесть поселений, которые входят в кризисный перечень моногородов: три — с наиболее сложным социально-экономическим положением (первая категория) и еще три — с рисками ухудшения ситуации (вторая категория). К первой категории относятся с. Туим, где функционирует одно учреждение, причем не связанное с промышленным производством, а также г. Абаза и п. Вершина Теи, специализирующиеся на добыче железной руды (хотя деятельность градообразующих предприятий в этих монотерриториях на сегодняшний день приостановлена). Ко второй категории относятся — г. Черногорск, основным направлением которого является добыча угля, г. Саяногорск, где функционирует несколько предприятий по производству алюминия, добыче мрамора и гидроэлектростанция, а также г. Сорск с предприятиями по производству медного концентрата и ферромолибдена. В целом, в монопрофильных территориях проживает 41,2 % городского населения, или 28,8 % всего населения республики (табл. 1) [Численность постоянного населения..., 2021].

Казалось бы, в монотерриториях с наиболее сложным экономическим положением безработных должно быть больше, однако результаты нашего исследования показали иное. Удельный вес неработающих респондентов оказался выше в моногородах из категории риска (рис. 1). Конечно, нужно учитывать, что среди неработающего населения определенную долю составляют пенсионеры и домохозяйки, но и удельный вес временно работающих в этих моногородах тоже выше.

Таблица 1. Численность населения монопрофильных территорий Хакасии (на 1 января 2021 г.)

Table 1. Population of single-industry territories of Khakassia (as of January 1, 2021)

№п/п	Монопрофильные территории	Численность населения, чел.	Удельный вес от городского населения, %	Удельный вес от всего населения региона, %
1	г. Абаза	14816	4,0	2,8
2	г. Саяногорск	45384	12,2	8,5
3	г. Сорск	11103	3,0	2,1
4	г. Черногорск	75348	20,2	14,2
5	рп. Вершина Теи	3271	0,9	0,6
6	с. Туим	3270	0,9	0,6
	Итого	153192	41,2	28,8

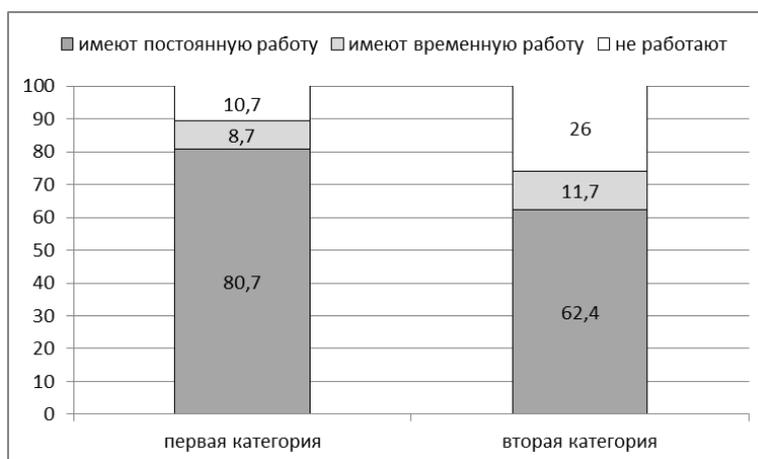

Рис. 1. Соотношение респондентов, имеющих постоянную, временную работу, и неработающих респондентов, % относительно опрошенных

Fig. 1. The ratio of respondents with permanent or temporary employment and unemployed, in % of respondents

На наш взгляд, об уровне реальной безработицы можно судить по тому, где работают жители моногородов: в месте своего проживания, ездят на работу в соседние населенные пункты или работают вахтой за пределами региона. Большинство опрошенных (как в моногородах первой, так и второй категории) работают по месту проживания, а среди работающих в других местах преобладают маятниковые трудовые мигранты — те, кто ездит на работу в близлежащие города или крупные села (см. рис. 2). Больше маятниковых мигрантов среди опрошенных из моногородов второй категории (имеющих пока только риски ухудшения ситуации). Это объясняется территориальной близостью некоторых из них со столицей региона, благодаря чему у жителей есть возможность ездить туда на работу каждый день. Монотер-

ритории первой категории (со сложной ситуацией) расположены удаленно от крупных городских узлов, поэтому возможностей для маятниковой миграции у населения меньше, однако удельный вес работающих вахтовым методом больше.

На первый взгляд ситуация с безработицей в монотерриториях, находящихся в сложном социально-экономическом положении, кажется более благополучной. Число работающих на постоянной основе преобладает над числом имеющих временную работу, к тому же большая часть работает по месту своего проживания (т.е. в моногороде). Однако в действительности 77,3 % опрошенных — это работники бюджетных организаций (образования, здравоохранения, культуры) и сферы обслуживания (торговли, транспорта).

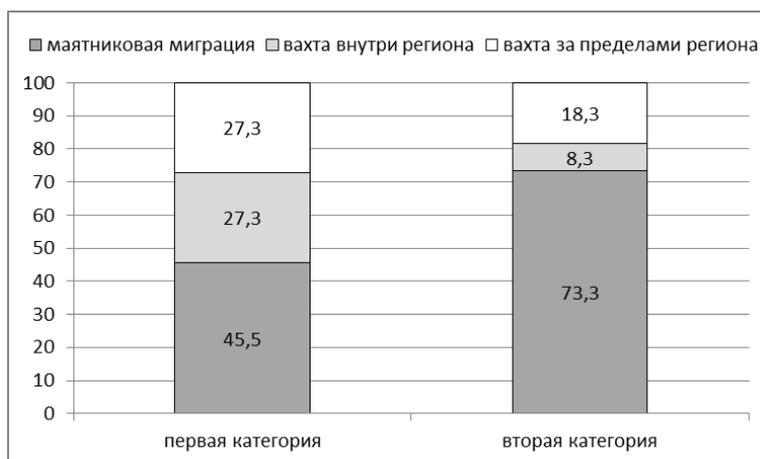

Рис. 2. Респонденты, работающие не в месте своего проживания, % относительно опрошенных, имеющих работу

Fig. 2. Employed respondents out of residence place, in % of employed respondents

В моногородах из зоны риска безработных больше, но рынок труда сам по себе более подвижный, чем и может объясняться высокий удельный вес не имеющих работу. Сфер приложения труда тоже больше, поэтому возможностей для смены сферы деятельности тоже больше. В этих моногородах помимо занятых в бюджетной сфере и сфере услуг значительную долю составляют работники промышленного сектора (37,9 %). К тому же за счет «удачного» географического расположения есть возможность для маятниковой трудовой миграции, что тоже в какой-то мере решает проблему безработицы для жителей этих монотерриторий. С одной стороны, жители этих моногородов низко оценивают свои шансы найти работу в случае ее потери: всего 15,4 % опрошенных ответили, что могут легко найти работу, равнозначную предыдущей. Но, с другой стороны, они меньше возлагают надежд на государство в восстановлении градообразующих предприятий, что в какой-то мере является свидетельством более реалистичного отношения к сложившейся ситуации. Больше половины опрошенных (52,5 %) этих моногородов более перспективным считает развитие малого и среднего предпринимательства. Население монотерриторий со сложным экономическим положением (65 %), напротив, преимущественно надеется на помощь государства, без которой развитие градообразующих предприятий им не представляется возможным.

Социальные настроения жителей монотерриторий

По мнению исследователей, кризисные явления представляют собой объективную причину для пессимистических прогнозов относительно будущего [Дитяев А.Ю., 2011, с. 100]. Логично было бы предположить, что в моногородах с наиболее сложным социально-экономическим положением жители настроены более пессимистично. С одной стороны, это действительно оказалось так. В монотерриториях первой категории больше половины опрошенных (53,1 %) считает, что через год жизнь будет еще хуже, чем сейчас; в моногородах второй категории таких меньше. Но, с другой стороны, следует иметь в виду, что *социальное настроение* — достаточно емкое понятие и не сводится только к ожиданиям будущего. Поэтому для оценки настроений жителей монотерриторий мы использовали метод кластерного анализа, позволяющего учитывать несколько параметров, по которым можно судить о характере социального настроения. При определении направленности социального настроения мы исходили из эмоционального настроения участвующих в опросе, степени их удовлетворенности жизнью, ожиданий ближайшего будущего, а также из общей оценки своей жизни (для вычисления использовались стандартизованные значения переменных). В соответствии с этими переменными все респонденты были сгруппированы в несколько кластеров (методом k-средних). Пер-

вый кластер объединил 45 % опрошенных, второй — 34,3 % и третий — 20,8 %.

Первый кластер отличается положительным эмоциональным настроем (96,9 %), высокой степенью удовлетворенности (98,3 %), преобладанием оптимистичных ожиданий будущего

(29,9 %), а также позитивной оценкой своей жизни в целом (85,2 %), поэтому эту группу опрошенных мы определили как *оптимистов* (рис. 3).

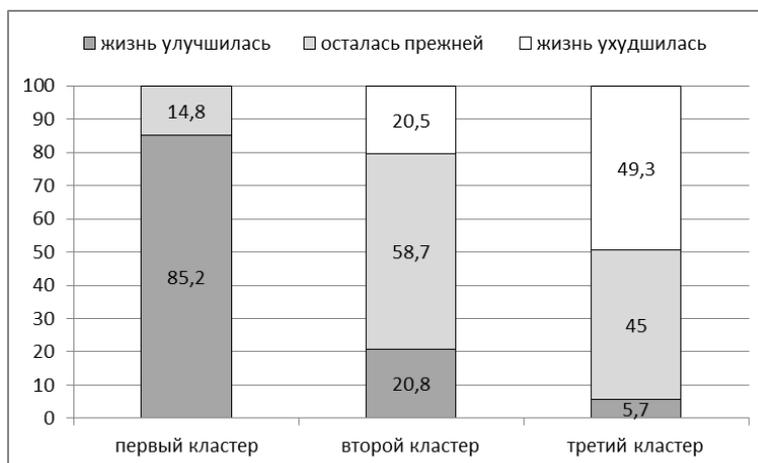

Рис. 3. Оценка изменений своей жизни, % относительно опрошенных

Fig. 3. Assessment of life's changes, in % of respondents

Второй кластер характеризуется умеренным эмоциональным настроем (72,9 %), высокой степенью удовлетворенности (95,4 %), опрошенные этого кластера не ожидают улучшений своей жизни (98,7 %), но при этом дают вполне реальную оценку своей жизни (58,7 %) — эту группу мы назвали *реалистами*. В третьем кластере преобладает напряженный эмоциональный настрой (68,6 %), низкая удовлетворенность (80 %), осознание отсутствия перспектив улучшения жизни (97,1 %), а также доминирование негативных оценок своей жизни (49,3 %). Эту группу опрошенных мы назвали *пессимистами*.

Действительно, оказалось, что в монотерриториях с наиболее сложным социально-экономическим положением (первая категория кризисного перечня) больше пессимистично настроенных людей (см. рис. 4). А среди жителей моногородов, имеющих пока только риски ухудшения экономической ситуации, больше оптимистов, причем почти в два раза. Анализ корреляций по Пирсону подтвердил наличие связи между состоянием экономической ситуации в моногороде и преобладающими там социальными настроениями ($r = 0,107^{**}$). Другими словами, чем хуже экономическое положение,

тем больше в моногороде пессимистично настроенных жителей.

Подтвердилось и другое: связь социально-экономической ситуации с протестными настроениями (анализ корреляций по Пирсону $r = 0,098^{**}$). В монотерриториях, находящихся в сложном положении, почти половина (46,7 %) из ответивших на этот вопрос респондентов допускает вероятность массовых акций протеста (см. рис. 5). Больше среди них и тех, кто готов принять участие в этих акциях (25,6 % против 14,4 %).

По мнению исследователей, оптимизм и пессимизм — это не только субъективные ощущения индивида и его ожидания относительно будущего, но и своеобразное мировоззрение (жизненная философия), основа мотивации социальных поступков [Дитятев А.Ю., 2011, с. 101]. Казалось бы, настроение должно зависеть в первую очередь от социально-экономических показателей, но результаты нашего исследования показали, что социальное настроение больше связано с субъективным составляющими (удовлетворенностью различными сторонами жизни, ощущением счастья, надеждой на лучшее) (см. табл. 2).

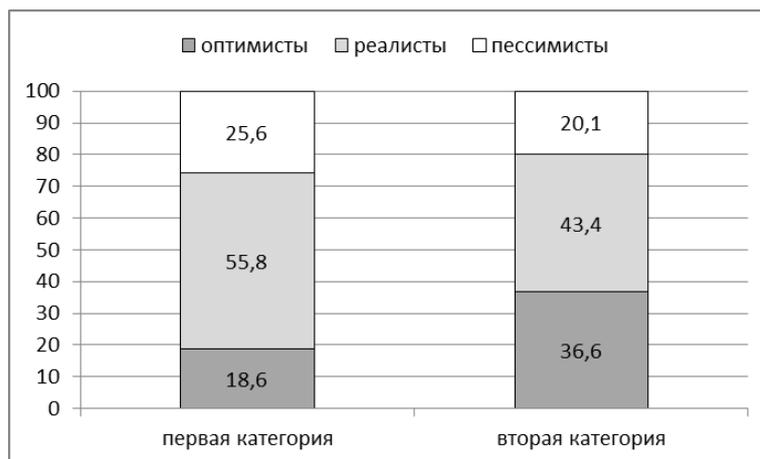

Рис. 4. Социальные настроения жителей моногородов, % относительно опрошенных

Fig. 4. Social mood of residents of single-industry towns, in % of respondents

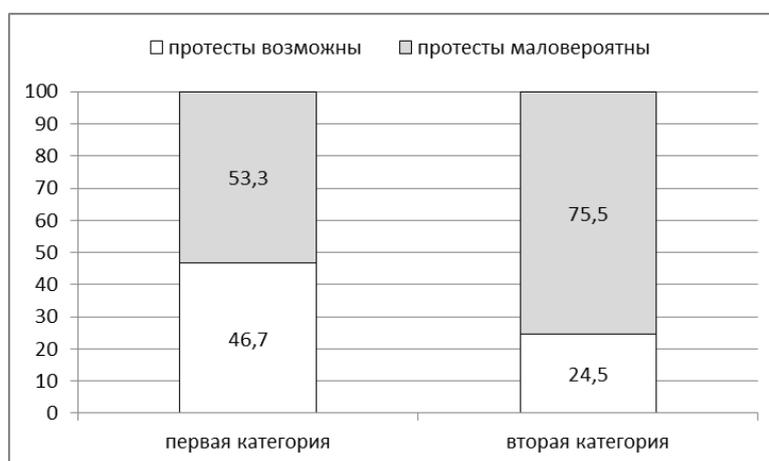

Рис. 5. Оценка вероятности массовых протестов, % относительно ответивших

Fig. 5. Estimation of the probability of mass protests, in % of respondents

Таблица 2. Регрессионная модель связи социального настроения с разными факторами

Table 2. Regression model by the connection of social mood with various factors

Фактор	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	p
	B-коэффициент	Стд. ошибка	β-коэффициент		
Ощущение счастья	0,429	0,047	0,401	9,094	0,000
Надежда на лучшее	0,202	0,047	0,181	4,284	0,000
Удовлетворенность	0,127	0,062	0,102	2,067	0,039
Уровень дохода	-0,030	0,025	-0,059	-1,1169	0,243
Наличие работы	0,019	0,031	0,026	0,616	0,538
Уровень материального положения	0,036	0,040	0,051	0,909	0,364

В соответствии с регрессионной моделью полученные данные могут быть содержательно интерпретированы, т.к. коэффициент множественной корреляции ($R = 0,528^{**}$) является

статистически значимым и объясняет 28 % дисперсии. Оказалось, что из выбранных независимых переменных на социальное настроение оказывают влияние всего три: ощущение

счастья (0,401**), надежда на лучшее (0,181**) и удовлетворенность разными сторонами своей жизни (0,102*). Такие индикаторы, как наличие работы, уровень дохода и материальное благополучие, не связаны прямо с социальным настроением. Другими словами, целостное восприятие на эмоциональном уровне в большей степени зависит от субъективных оценок своей жизни, нежели от количественно измеряемых параметров уровня жизни.

Выводы

В исследовании были получены неоднозначные результаты. Оказалось, что проблема безработицы актуальнее для жителей моногородов второй категории (которые только имеют риски ухудшения социально-экономического положения). Опрошенные монотерриторий первой категории (с наиболее сложной ситуацией) не выразили особого беспокойства по поводу лишения работы, высоко оценив свои шансы найти другую работу, причем равнозначную предыдущей. Рынок труда в таких поселениях небольшой, но при этом узкоспециализированный, вполне вероятно, существует дефицит специалистов «редких» профессий, тем более тех, кто готов жить и работать в городах с таким низким уровнем жизни. Нередкой для таких территорий является ситуация, когда отец семейства работает и в течение рабочей недели проживает в моногороде, а его семья постоянно проживает в другом месте. Возможно, такие специалисты понимают, что в случае потери работы они смогут найти ее в другом месте.

В моногородах из зоны риска (а в Хакасии это наиболее крупные города) более высокий уровень жизни, помимо градообразующих предприятий развит малый и средний бизнес, рынок труда сам по себе более подвижный, но и конкуренция тоже выше. Несмотря на это, значительная часть населения ездит на работу в соседние населенные пункты (маятниковая трудовая миграция), также существенна доля и работающих вахтовым методом в других регионах. Вместе с тем жители этих монотерриторий отличаются более активной жизненной позицией. У них меньше выражены протестные настроения, больше позитивных ожиданий будущего. Возможно, это связано с более привлекательными условиями жизни: наличием развитой инфраструктуры, широкими возможностя-

ми для досуга, разнообразной сферой услуг и т.д., поэтому социальные настроения в целом более оптимистичные.

В моногородах с наиболее сложным социально-экономическим положением социальные настроения более напряженные. Об этом можно судить по низкой удовлетворенности, негативным оценкам, отсутствию перспектив улучшения жизни. Кроме того, у жителей этих монотерриторий больше выражена так называемая иждивенческая психология, что проявляется в ожидании помощи со стороны государства. Конечно, в целом уровень протестных настроений не критически высокий, но с учетом сложного социально-экономического положения населения этих монотерриторий вероятность их усиления есть. Почти половина опрошенных в этих городах (48,4 %) находится на грани бедности (им хватает денег только на питание). Поэтому в целом можно считать, что поставленная в начале исследования гипотеза подтвердилась: действительно, в моногородах с наиболее сложным экономическим положением социальные настроения более упадочные.

Однако, как показали результаты, более существенное влияние на социальное настроение оказывают не количественные показатели уровня жизни (наличие работы, уровень дохода), а субъективные оценки своей жизни (ощущение счастья, удовлетворенность, надежда на лучшее). Этот факт свидетельствует о важности *не-экономических* механизмов регулирования факторов социальной напряженности, которые могут быть более эффективными, особенно в кризисное время.

Выражение признательности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект «Социальные проблемы моногородов Хакасии: факторы, динамика, поиск решений», грант № 19-49-190001 p_a).

Acknowledgements

The research was funded by RFBR, project No. 19-49-190001 p_a «Social problems of single-industry towns in Khakassia: factors, dynamics, search for solutions».

Список литературы

Андреев С.Ю. Анализ социального самочувствия сельских жителей Краснодарского края // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного

университета (Научный журнал КубГАУ). 2007. № 30(6). С. 47–58. URL: <http://ej.kubagro.ru/2007/06/pdf/13.pdf> (дата обращения: 12.10.2021).

Боев В.М. Количественные закономерности вклада факторов среды обитания в формирование демографических процессов в моногородах // Известия Самарского научного Центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 1(8). С. 1960–1963.

Булгакова С.Н. Особенности и проблемы развития моногородов на современном этапе // Ученые записки Института управления, бизнеса и права. Серия: Экономика. 2014. № 4. С. 348–354.

Гусев В.В. Развитие российских моногородов — важнейшая задача национальной и экономической безопасности государств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 5–9. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2015-15-3-5-9>

Дитятев А.Ю. Методологический потенциал концепции социального настроения в изучении феноменов оптимизма и пессимизма в современном обществе // Теория и практика общественно-го развития. 2011. № 5. С. 100–102.

Ермолаев Т.С. Социальное самочувствие населения северных моногородов (на примере Нерюнгринской городской агломерации) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 21–26. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-21-26>

Кашкина Л.В. Социальное самочувствие населения в моногороде Арктического региона Российской Федерации (по результатам социологических исследований в г. Новодвинске) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3(47). С. 133–136.

Крутик А.Б. Поиски решения проблем социальной сферы // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2010. № 3(5). С. 58–65.

Лиман И.А., Крамаренко М.В. Проблемы моногородов Тюменской области и пути их решения // Научный сибирский альманах. 2014. № 3–4. С. 43–48.

Маслова А.Н. Моногорода в России: проблемы и решения // Проблемный анализ и государственное-управленческое проектирование. 2011. Т. 4, № 5. С. 16–28.

Мурзин А.Д. Социальные факторы развития моногородов // Вестник Кемеровского государ-

ственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2017. № 4. С. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2017-4-11-17>

Першина Т.А., Гоголева М.П. Повышение комфортности проживания как фактор экономического развития малых городов (моногородов) Российской Федерации (на примере города Котово) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 2(46). С. 50–59. URL: <https://eee-region.ru/article/4606/> (дата обращения: 12.10.2021).

Федотова Н.Е. Теоретические аспекты совместимости гипотезы Филлипса с российским рынком труда // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2009. № 4(66). С. 12–15.

Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям / Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1> (дата обращения: 12.10.2021).

Dinius O.J., Vergara A. Company Towns in the Americas: An introduction // Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-Class Communities / ed. by O.J. Dinius, A. Vergara. Athens, GA: University of Georgia Press, 2011. P. 1–20.

Hayter R. Single Industry Resource Towns // A Companion to Economic Geography / ed. by E. Sheppard, T.J. Barnes. Oxford, UK: Blackwell Publishers, 2003. P. 290–307. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470693445.ch18>

Stamm M. Review: Dinius, Oliver J. and Angela Vergara, eds., Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-Class Communities. Athens, GA: University of Georgia Press, 2011. 236 p. // Luso-Brazilian Review. 2013. Vol. 50, no. 1. P. 264–267. DOI: <https://doi.org/10.1353/lbr.2013.0020>

Treller T., Kokot V. Understanding the Phenomenon of Single Industry Towns // Facilitating Sustainability and Economic Prosperity Within Single Industry Municipalities: International and Ukrainian Experience. Kiev: MLED, 2014. P. 6–19.

Получена: 19.10.2021. Доработана после рецензирования: 28.12.2022. Принята к публикации: 10.03.2022

References

Andreev, S.Yu. (2007). [Analysis of social well-being of rural dwellers of Krasnodar region]. *Politicheskiiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal*

Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyy zhurnal KubGAU) [Scientific Journal of KubSAU]. No. 30(6), pp. 47–58. Available at: <http://ej.kubagro.ru/2007/06/pdf/13.pdf> (accessed 12.10.2021).

Boev, V.M. (2010). [Quantitative laws of the contribution of inhabitancy factors in formation the demographic processes in monocities]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo Tsentra Rossiiskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 12, no. 1(8), pp. 1960–1963.

Bulgakova, S.N. (2014). [Features and problems of development of single-industry towns at the present stage]. *Uchenye zapiski Instituta upravleniya, biznesa i prava. Seriya: Ekonomika* [Scientific Notes of the Institute of Management, Business and Law. Series: Economics]. No. 4, pp. 348–354.

Chislennost' postoyannogo naseleniya Rossiyskoy Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniyam [The number of permanent population of the Russian Federation by municipalities]. Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282?print=1> (accessed 12.10.2021).

Dinius, O.J. and Vergara A. (2011). Company Towns in the Americas: An introduction. *Company towns in the Americas: Landscape, power, and working-class communities*. Athens, GA: University of Georgia Press, pp. 1–20.

Dityatev, A.Yu. (2011). [Methodological potential of the concept of social mood in studying of phenomena of optimism and pessimism in modern society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 5, pp. 100–102.

Ermolaev, T.S. (2018). [Social wellbeing of the population of Northern monotowns (the case of the Neryungri urban agglomeration)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]. No. 1, pp. 21–26. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-21-26>

Fedotova, N.E. (2009). [Theoretical aspects of Phillips hypothesis' compatibility with Russian labour market]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [Bulletin of the Irkutsk State Economics Academy]. No. 4(66), pp. 12–15.

Gusev, V.V. (2015). [Development of the Russian single-industry towns — important objective of na-

tional and economic security]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. Series: Sociology. Politology]. Vol. 15, iss. 3, pp. 5–9. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2015-15-3-5-9>

Hayter, R. (2003). Single industry resource towns. *E. Sheppard, T.J. Barnes (eds.) A companion to economic geography*. Oxford, UK: Blackwell Publ., pp. 290–307. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470693445.ch18>

Kashkina, L.V. (2017). [Social well-being of the population in a company town of the Arctic region of the Russian Federation (based on the results of sociological research in Novodvinsk)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 3(47), pp. 133–136.

Krutik, A.B. (2010). [Search for solutions to social problems]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* [Theory and Practice of Service: Economy, Social Sphere, Technology]. No. 3(5), pp. 58–65.

Luyman, I.A. and Kramarenko, M.V. (2014). [Problems monocities Tyumen region and solutions]. *Nauchnyy sibirskiy al'manakh* [Scientific Siberian Almanac]. No. 3–4, pp. 43–48.

Maslova, A.N. (2011). [Monocities in Russia: problems and solutions]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Administration Projection Theory Practice Methodology]. Vol. 4, no. 5, pp. 16–28.

Murzin, A.D. (2017). [Social factors of monotown development]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences]. No. 4, pp. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2017-4-11-17>

Pershina, T.A. and Gogoleva, M.P. (2016). [Improving comfortable living as factor of economic development of small towns (one-company towns) Russian federation (on the example of Kotovo)]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal]. No. 2(46), pp. 50–59. Available at: <https://eee-region.ru/article/4606/> (accessed 12.10.2021).

Stamm, M. (2013). Review: Dinius, Oliver J. and Angela Vergara, eds., *Company Towns in the Americas: Landscape, Power, and Working-Class Communities*. Athens, GA: University of Georgia Press,

2011. 236 p. *Luso-Brazilian Review*. Vol. 50, no. 1, pp. 264–267. DOI: <https://doi.org/10.1353/lbr.2013.0020>

Treller, T. and Kokot, V. (2014). Understanding the phenomenon of single industry towns. *Facilitating Sustainability and Economic Prosperity Within*

Single Industry Municipalities: International and Ukrainian Experience. Kiev, MLED Publ., pp. 6–19.

Received: 19.10.2021. Revised: 28.12.2022. Accepted: 10.03.2022

Об авторе

Лушникова Ольга Леонидовна

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
655017, Республика Хакасия, Абакан,
ул. Щетинкина, 23;
e-mail: oltolt@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>
ResearcherID: M-8777-2016

About the author

Olga L. Lushnikova

Candidate of Sociology, Senior Researcher of the Department of Economics and Sociology

Khakass Research Institute for Language, Literature and History,
23, Schetinkin st., Abakan, Republic of Khakassia,
655017, Russia;
e-mail: oltolt@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1440-1505>
ResearcherID: M-8777-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лушникова О.Л. Социальные настроения жителей монотерриторий Хакасии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 175–185. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-1-175-185](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-175-185)

For citation:

Lushnikova O.L. [Social mood in single-industry towns of Khakassia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 1, pp. 175–185 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-1-175-185](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-175-185)